

Формирование системы передачи власти во франкистском режиме

The formation of the system of power suc- cession under the Francoist regime

Филатов Георгий Андреевич

Институт всеобщей истории РАН.

Filatov, Georgy

Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

Mail: georgefilatov@gmail.com

Orcid: 0000-0001-5964-2209

Аннотация: Статья посвящена анализу формирования механизмов передачи власти в условиях франкистского режима в Испании. В работе рассматривается, каким образом авторитарная система, возникшая как военная диктатура чрезвычайного типа, постепенно выработала институциональные формы преемственности, позволившие ей просуществовать более трёх десятилетий и пережить смерть своего основателя. Автор показывает, что создание этих механизмов не было результатом заранее продуманного плана, а представляло собой реакцию на меняющуюся политическую конъюнктуру, внутреннюю борьбу элит и международные обстоятельства. Особое внимание уделяется закону о наследовании 1947 года, провозгласившему Испанию королевством при сохранении всей полноты власти у Франко. Показано, что монархическая форма выступала не как восстановление традиционной монархии, а как инструмент легитимации и стабилизации режима, а также средство балансирования между различными политическими группами — монархистами, фалангистами, армией и технократами. Сохранение неопреде-

лётности в вопросе о преемнике рассматривалось диктатором как способ предотвращения появления альтернативного центра власти. В статье анализируется борьба различных фракций за влияние на будущую постфранкистскую систему, роль армии и партии, а также значение созданных консультативных органов — Совета королевства и Регентского совета. Делается вывод, что институты преемственности были сконструированы прежде всего для сохранения самой системы, а не для передачи власти конкретному лицу, что позволило режиму обеспечить контролируемый переход после смерти Франко и сохранить значительную часть его политического наследия.

Ключевые слова: Испания, Франко, монархия, преемник, Хуан Карлос, закон о наследовании

Abstract: The article is devoted to an analysis of the mechanisms of power transmission under the Francoist regime in Spain. It examines how an authoritarian system, which initially emerged as an exceptional military dictatorship, gradually developed institutional forms of succession that allowed it to endure for more than three decades and survive the death of its founder. The author demonstrates that the creation of these mechanisms was not the result of a premeditated plan, but rather a response to a changing political context, internal elite struggles, and international circumstances. Particular attention is paid to the 1947 Law of Succession, which proclaimed Spain a kingdom while preserving full authority in the hands of Franco. It is shown that the monarchical form did not constitute a restoration of the traditional monarchy, but rather served as a tool for legitimizing and stabilizing the regime, as well as a means of balancing competing political factions — monarchists, Falangists, the military, and technocrats. Maintaining ambiguity regarding the question of succession was regarded by the dictator as a method of preventing the emergence of an alternative center of power. The article analyzes the struggle among different factions to influence the future post-Franco system, including the confrontation between supporters of Don Juan and his son Juan Carlos, the role of the military and the par-

ty, and the significance of the consultative bodies that were established — the Council of the Realm and the Regency Council. It concludes that the institutions of succession were designed primarily to preserve the system itself, rather than to transfer power to a specific individual, thereby enabling the regime to ensure a controlled transition after Franco's death and to safeguard a significant portion of his political legacy.

Key words: Spain, Franco, monarchy, successor, Juan Carlos, Law of Succession

DOI: 10.32608/2305-8773-2026-51-1-248-277

Дата принятия к публикации: 27.08.2026

Дата получения: 15.04.2026

Ссылка для цитирования / Cite:

Филатов Г.А. Формирование системы передачи власти во франкистском режиме // Латиноамериканский исторический альманах. 2026. № 51. С. 248-277. DOI: 10.32608/2305-8773-2026-51-1-248-277

Filatov G. The formation of the system of power succession under the Francoist regime // Latin American Historical Almanakh, 2026. № 51. P. 248-277. DOI: 10.32608/2305-8773-2026-51-1-248-277

Ключевым показателем устойчивости политического режима является его способность пережить столь серьезное испытание, как смена власти. Обычно в современных государствах для этого существуют специальные механизмы: в монархиях — наследование престола, в республиках — различные формы выборов. Подобные институты помогают сохранять политическую систему. Военные диктатуры, напротив, редко формируют такие инструменты, что объясняется обстоятельствами их появления. Как правило, военные приходят к власти во время кризиса, объявляя о необходимости временных чрезвычайных мер для его преодоления. Однако эта «временность» может затягиваться на десятилетия, и подобная логика легитимации затрудняет превращение чрезвычайного режима в обычный — то есть

обладающий стабильными институтами, способными обеспечивать его воспроизводство. Именно поэтому военные диктатуры часто оказываются недолговечными. Тем не менее некоторым удается преодолеть эти ограничения и существовать долго. Так, франкистский режим сумел создать работающие институты, поддерживавшие политический строй более 35 лет, а также попытался заложить механизмы сохранения системы после смерти своего основателя.

Процесс формирования институтов передачи власти во франкистском режиме нередко изображается как логичный и заранее продуманный. Однако задача данной статьи — показать, что их возникновение было продиктовано конкретной политической конъюнктурой. Механизмы преемственности складывались не только из стремления обеспечить будущее Испании после смерти каудильо, но и как средство укрепления позиций самого Франко.

Франко возглавил националистический лагерь в чрезвычайной обстановке, выступая прежде всего как военный лидер. После провозглашения его генералиссимусом осенью 1936 года его власть формально стала неограниченной. На практике же внутри националистического лагеря существовали различные политические силы, которые в реальности накладывали некоторые ограничения на каудильо. В годы войны Франко удалось подчинить их своему контролю посредством сложной системы компромиссов. Добиваться согласия было непросто: хотя все эти группы принадлежали к правому спектру, их представления о будущем Испании нередко существенно расходились. Особенно острым оставался вопрос о том, каким будет государственное устройство после Франко. В среде фалангистов сохранялись сильные республиканские настроения. Монархисты же настаивали на восстановлении монархии, но и среди них не было единства. Карлисты поддерживали притязания потомков Дона Карлоса (1788–1855), брата Фердинанда VII (1808, 1813–1833), тогда как альфонсисты выступали за права наследников последнего испанского короля Альфонса XIII. Обе монархические группировки пользовались поддержкой части военных.

Когда ключевые политические силы обладают собственными, взаимно исключаящими представлениями о будущем и при этом располагают определённым влиянием, наиболее эффективным способом сохранить их лояльность становится поддержание неопределённости. В первые годы франкистский режим сохранял временный, чрезвычайный характер, а власть Франко основывалась на праве победителя. Не давая ясного ответа о дальнейших перспективах и делая небольшие уступки различным группам, каудильо поддерживал у элит ожидание, что в итоге будет реализована именно их программа. Одновременно наличие конкурирующих проектов позволяло ему лавировать между ними. Особенно важно это было для сдерживания монархистов, составлявших значительную часть националистического лагеря. Их позиции были прочны в армии, в том числе среди генералитета, где преобладали альфонсисты. Они регулярно поднимали вопрос о восстановлении монархии, и Франко нередко демонстрировал готовность идти им навстречу. Например, он окончательно утвердил в войсках мятежников монархическую символику. Красно-желто-красное знамя стало их флагом еще в первые дни восстания 1936 г.¹ В 1937 г. он принял «Гренадерский марш», или «Королевский марш», в качестве гимна², хотя в стане националистов не меньшей популярностью пользовался гимн карлистов «Ориаменди» или фалангистское «Лицом к солнцу» (Cara al sol). Использование этих символов в годы гражданской войны подпитывало надежды альфонсистов на то, что после окончания боевых действий Франко передаст власть их кандидату на испанский трон. Однако от шагов, которые могли бы сплотить монархистов, Франко отказывался. Так, когда в декабре 1936 г. Дон Хуан, граф Барселонский — сын Альфонс XIII и его наследник — просил каудильо разрешить ему поступить офицером на флот национа-

¹ Box, 2014. P. 9.

² Decreto №226 // BOE. 27 de febrero, 1937.

листов³, Франко отказал ему в самых обходительных выражениях, сославшись на опасения за жизнь наследника престола⁴.

Продолжающаяся война давала повод откладывать вопрос о политическом устройстве страны на потом. Но и после победы каудильо не торопился передавать власть королю, что вызывало ропот. В ноябре 1942 г. генерал Альфредо Кинделан открыто говорил о необходимости восстановить монархию⁵. Опасения вызывал и генерал Луис Оргас Йолди, который с 1941 г. занимал должность высшего комиссара Испании в Марокко. Он был монархистом и имел связи с британской разведкой, платившей ему за отстаивание испанского нейтралитета⁶. Однако дальше личных высказываний и писем дело обычно не заходило. Монархическим настроениям удавалось противостоять не только благодаря разладу среди сторонников короля, но и потому, что у каудильо была под рукой Фаланга — параллельная структура власти, преданная лично ему⁷.

Всплеск требований о возвращении монархии пришелся на последний год Второй мировой войны, когда поражение Германии стало очевидно, а перспективы франкистского режима из-за его близости к ней вызывали вопросы. В марте 1945 г. Дон Хуан, главный претендент на испанский престол, опубликовал Лозаннский манифест. В нем он потребовал от Франко признать, что его проект государства, вдохновленный тоталитарными образцами, провалился, и установить в Испании демократическую монархию⁸. Такие формулировки ясно давали понять, что Дон Хуан нацелился на восстановление парламентского режима, и окончательно настроили каудильо против него.

В условиях победы «Союзников» вполне реальной была перспектива того, что они могут сговориться с генералами-

³ Sainz Rodríguez, 1981. P. 347.

⁴ Престон, 1999. С. 166.

⁵ Sesma Landrin, 2023. P. 170.

⁶ Messenger, 2005. P. 179.

⁷ Филатов, 2022. С. 255-275.

⁸ Manifiesto de Lausanne de Don Juan, 19 de marzo de 1945 // Centro Documental de la Memoria Histórica. ES.37274.CDMH//ARMERO,2,12.

монархистами. Поскольку главной угрозой в этой ситуации снова была внутренняя оппозиция, Франко направил свои усилия на демонстрацию единства. Генералы, вызывавшие наибольшее беспокойство, лишились постов, которые давали им возможность что-то предпринять. Например, генерал Оргас Йолди был снят с должности высшего комиссара Марокко. С большей частью высокопоставленных офицеров Франко пришлось договариваться. Был собран Высший совет армии (*Consejo superior del ejército*). В ходе своего выступления Франко совмещал угрозы с обещаниями реставрации⁹. На этот раз дело не ограничилось риторикой. В 1947 году каудильо действительно инициировал восстановление монархии. Однако объяснять этот шаг исключительно давлением со стороны сторонников короля было бы упрощением. В изменившейся международной обстановке монархическая форма правления давала режиму определённые преимущества. После окончания Второй мировой войны обновлённый образ государства должен был способствовать выходу Испании из дипломатической изоляции. Предполагалось, что западным демократиям будет легче нормализовать отношения с монархической, а не откровенно авторитарной Испанией. При этом важно было провести реформу таким образом, чтобы она не поколебала сложившийся механизм власти и, прежде всего, не поставила под угрозу позиции самого Франко. Именно поэтому в марте 1947 года — спустя три месяца после принятия ООН резолюции об изоляции Испании — был подготовлен закон о наследовании, провозгласивший страну монархией.¹⁰ Его принятие было обставлено в соответствии с новым типом легитимации, который теперь использовал режим. Сначала 7 июня его одобрили кортесы, после чего он был выставлен на общеиспанский референдум, состоявшийся 6 июля 1947 г. Таким образом, если раньше главным основанием франкизма было право победителей, то теперь его легитимность проистекала из демонстрации общенародной поддержки.

⁹ Sesma Landrin, 2023. P. 207.

¹⁰ Ley de Sucesión en la Jefatura del Estado // BOE. 27 de julio, 1947.

Внешне закон о наследовании придавал Испании новый статус: уже в первой статье она объявлялась королевством. На практике же документ лишь закреплял существующий политический порядок. Во второй статье прямо утверждалось, что вся полнота власти принадлежит Франсиско Франко. Уступки монархистам и другие изменения — создание кортесов, выборы в органы местного самоуправления — носили скорее декоративный характер. Более того, каудильо не только сохранял положение фактически неограниченного правителя, но и отчасти расширял свои полномочия. За Франко закреплялось право в любой момент назначить преемника. Требования к кандидату были минимальны: испанское происхождение, мужской пол и католическая вера. К фигуре короля или регента предъявлялись более строгие условия: возраст старше тридцати лет и присяга на верность «Основным законам». К ним относились пять актов — «Хартия испанцев» (1945), «Хартия труда» (1938), закон о кортесах (1942), закон о наследовании (1947) и закон о национальном референдуме (1945), причём предполагалось, что перечень может расширяться. Отдельно оговаривалась обязательная присяга принципам «Национального движения». Тем самым будущий глава государства должен был принять франкистскую систему целиком, включая наиболее критикуемую монархистами её часть — единую партию. К 1947 году её сходство с фашистскими образцами было несколько завуалировано, но сущность оставалась прежней. При этом Франко сохранял за собой право в любой момент отменить собственное решение о назначении. Дополнительный инструмент влияния содержался в статье 13: глава государства мог предложить кортесам исключить конкретных лиц из числа возможных претендентов, если они неспособны к правлению или явно отходят от основных принципов режима. Эта формулировка была направлена прежде всего против главного претендента на испанский трон, дона Хуана, который в Лозаннском манифесте выступал за установление в Испании парламентского строя.

Хотя закон не предполагал каких-либо кардинальных изменений в политической жизни до смерти Франко, он закладывал основы для будущей смены правителя. В случае кончины или

недееспособности главы государства власть получал Регентский совет. В него входили представители трех основных опор режима: гражданской власти, церкви и армии. Государство было представлено председателем кортесов (он же председательствовал в Регентском совете), церковь — высшим католическим иерархом страны, вооруженные силы — капитан-генералом войск, то есть главнокомандующим вооруженными силами¹¹. Регентский совет непосредственно организовывал передачу власти наследнику, для чего созывал собрание кортесов, а также Совета королевства — еще одного института, который создавался этим законом, чтобы провозгласить либо короля, либо регента.

Совет королевства был совещательным органом. В него входили высший прелат из числа заседающих в кортесах, капитан-генерал войск, начальник генерального штаба¹², председатель государственного совета, председатель верховного суда, председатель Института Испании. Также в него делегировали по одному человеку разные группы, имевшие своих представителей в кортесах: синдикаты, местная администрация, ректоры университетов, профессиональные ассоциации. Трех советников назначал глава государства. Пока был жив и дееспособен Франко, Совет королевства выполнял консультативные функции. Хотя в законе и говорилось, что каудильо обязан выслушивать его мнение по поводу новых законов, назначения наследника, объявления войны и заключения мира, но никаких обязательств что-либо предпринять в связи с услышанным зафиксировано не было. Таким образом, Совет королевства, как и другие государственные органы, имел совещательный характер. Однако после ухода Франко его роль значительно возрастала, так как он обязан был организовать вступление в должность назначенного им преемника. Если же каудильо умирал или терял дееспособность, не определив наследника, то Регентский совет, Совет ко-

¹¹ В его отсутствие — действующий генерал-лейтенант, имевший наибольшую выслугу.

¹² В его отсутствие — самый старший по возрасту из начальников штабов ВВС, сухопутных войск и флота.

ролевства и кортесы превращались в центр власти. Регентский совет брал на себя исполнительные полномочия и созывал совместную сессию Совета королевства и правительства, которая должна была выбрать кандидата для утверждения в кортесах. При жизни и работоспособности Франко, вес этих монархических институтов в управлении государством был микроскопическим. То есть фактически эти органы, как и весь закон о наследовании, лишь формально удовлетворяли требования монархистов. К тому же ключевую роль в этих структурах должны были играть генералы. Войска оставались главным гарантом «Закона о наследовании» и через много лет. В 1970 г. Лопес Родо в интервью своему другу, писателю Сальвадору Паникеру сказал: «Закон возлагает защиту институтов страны на вооруженные силы, которые обладают сплоченностью, хорошей дисциплиной и высоким моральным духом»¹³.

Появление института передачи власти, оформленного в виде Регентского совета и Совета королевства, предопределило борьбу разных групп элиты за контроль над ними — в том числе и сил, которые не были главными сторонниками монархии. Упрочить свое влияние хотели представители партии. Хотя по закону о наследовании претендент должен был быть верен принципам «Национального движения», после провозглашения королем он получал всю полноту власти, которой пользовался Франко. Поэтому перед ним не было никаких формальных препятствий, которые могли бы ограничить его действия в отношении партии. Если Франко она была нужна для укрепления и сохранения собственной власти, как противовес другим группам элиты, то наследник вполне мог счесть ее обузой и избавиться от нее. Поэтому в интересах партии было усилить свою роль если не в процессе передачи власти, то в жизни Испании после Франко. Фаланга попыталась это сделать в середине 1950-х гг., когда министр-секретарь Арресе подготовил ряд законодательных проектов об основных принципах «Национального движения».

¹³ Entrevista del ministro Señor López Rodo con el escritor Salvador Páñiker. 12.05.1970 // AGA, 23, 7638, leg 2.

Его цель заключалась не в том, чтобы добиться отмены монархии, а в том, чтобы наследник не смог избавиться от партии, когда получит всю полноту власти. Для этого он хотел дополнить закон о наследовании нормами о передаче власти председателя правительства и полномочий главы «Движения»¹⁴. Практическим воплощением этих идей стало несколько законопроектов: «Об основах Национального движения», «Органический закон о Национальном движении» и «Закон об организации правительства». Все они сохраняли положение Франко в качестве абсолютного правителя, но предполагали серьезное ограничение полномочий его преемника. В одном из вариантов этих проектов даже предполагалось, что после смерти каудильо пройдет референдум, на котором испанцы выберут монархию или республику. Однако, поскольку это прямо противоречило закону о наследовании 1947 г., это положение было исключено уже из ранних редакций¹⁵.

Несмотря на некоторые корректировки, предложенные Арресе законы сохраняли значительные ограничения для будущего монарха, причем исходили они от партии. В соответствии с проектом «Органического закона Национального движения» после смерти Франко его наследник не должен был возглавлять партию. Более того, в принципе не предполагалось, что он автоматически будет иметь какую-то должность в Фаланге, и та в результате приобретала широкую автономию¹⁶. Одновременно ее органы управления, по сути, должны были получить право последнего слова при принятии законов. В частности, Национальный совет должен был проверять законы, исходящие от правительства и от кортесов, на соответствие принципам «Движения». Предполагалось, что власть партии не будет ограничиваться лишь одобрением законов — она должна была и напрямую контролировать состав кабинета министров. В соответствии с предложенным Арресе «Законом об организации правительства» Национальный совет партии получал право

¹⁴ Discurso del ministro secretario general // ¡Arriba!, 06 de marzo, 1956.

¹⁵ Zaratiegui Labiano, García Velasco, 2017. P. 510.

¹⁶ Saz, 2007. P. 149.

смещать главу кабинета после трех вотумов недоверия. После этого глава государства должен был назначать нового председателя совета министров¹⁷. Таким образом, хотя партия не претендовала на то, чтобы ограничить могущество Франко, после него она превратилась бы в фактический центр власти Испании, имеющий ключевое значение при принятии всех основных политических решений в стране, при этом не подчиненный будущему королю. Однако перспектива чрезмерного усиления партии вызывала негативную реакцию всех остальных групп элиты, поэтому идеи Арресе так и остались на бумаге. Принятый в 1958 г. закон об основах «Национального движения» просто фиксировал сложившийся порядок, в соответствии с которым партия подчинялась главе государства, как нынешнему, так и будущему.

Поскольку попытка наложить ограничения на будущего преемника Франко провалилась, стало очевидным, что для обеспечения власти после смерти каудильо необходимо работать в рамках тех правил, которые установлены уже принятым законом о наследовании 1947 г. В этих условиях ключевой вопрос, конечно же, заключался в том, кого каудильо назначит своим преемником. А с этим глава государства предпочитал не торопиться. Официально имя преемника не объявлялось на протяжении 22 лет. Помимо того, что Франко не определялся с кандидатом, он еще и способствовал разобщению в рядах монархистов-альфонсистов — наиболее многочисленной группы сторонников возвращения королевской власти в Испании. Для них основным претендентом на испанский престол был Дон Хуан — сын последнего короля Альфонс XIII. Однако его заигрывания с оппозиционерами разного толка, а также то, что он не признал закон о наследовании, сделали его неприемлемым кандидатом для Франко и его приближенных¹⁸.

В 1948 г. Франко встретился с Доном Хуаном на своей яхте «Асор». В ходе длительной беседы он смог убедить его, что для будущего страны и династии было бы лучше, чтобы его сын

¹⁷ Thomàs i Andreu, 1999. P. 58–59.

¹⁸ Престон, 1999. С. 428.

Хуан Карлос получил образование не за границей, где проживала семья наследника, а в Испании — и когда придет время, он не будет восприниматься как иностранец на престоле. Как и когда это произойдет, не уточнялось. Дон Хуан согласился с этими доводами, и его сын переехал в Испанию. По мере взросления Хуана Карлоса некоторые альфонсисты начали склоняться к мнению, что именно ему в обход отца лучше было бы стать королем Испании после смерти Франко. Такие взгляды стали появляться потому, что Дон Хуан из-за своих взглядов был абсолютно неприемлем для каудильо. Споры о лучшем кандидате разобщали альфонсистов, которым становилось сложнее выступать единым фронтом, отстаивая свои интересы перед Франко.

Сохранение неопределённости служило ещё одним инструментом укрепления личной власти диктатора. Назначение официального преемника неизбежно создало бы альтернативный центр притяжения, на который могла бы переключиться часть франкистской элиты, недовольная всевластием каудильо. Кроме того, наличие признанного наследника облегчало бы задачу потенциальным заговорщикам: переворот можно было бы представить как законную передачу власти в пользу кандидата, выбранного самим Франко. Эти опасения усиливались тем, что возможной внутренней оппозицией выступали именно монархисты. Они представляли наибольшую угрозу, поскольку до 1950-х гг. сохраняли прочные позиции в армии — единственной силе, способной реально поколебать режим. Со временем, однако, их возможности ослабевали, прежде всего из-за естественной смены поколений в высшем военном командовании. В 1951 г. умер популярный в вооружённых силах генерал Варела. 30 января 1957 г. от ангины скончался генерал Хуан Баутиста Санчес Гонсалес. Он был последним представителем ещё старой монархической армии, который мог объединить монархистов среди военных, так как был самым старшим по званию и выслуге лет. После его ухода испанские вооружённые силы уже в большей степени стали соответствовать идеологическому клише «армии 18 июля». В войсках оставалось все меньше офицеров, чья карьера не была связана с франкистским режи-

мом. И в этом плане на протяжении 1960-х гг. вооруженные силы все больше становились инструментом сохранения власти Франко, а не потенциальной угрозой, как это было в первый период его правления. В 1960-х – начале 1970-х гг. на командные должности стали приходить люди, которые начали свой воинский путь в годы гражданской войны. Многие из них в принципе не смогли бы подняться на такие вершины без тех кровавых событий. В первую очередь это касалось временных младших лейтенантов (*alférez provisional*). Они получили это звание в чрезвычайных условиях гражданской войны, когда срочно требовались новые офицерские кадры¹⁹. После 1939 г. чуть меньше десяти тысяч из них после переподготовки получили уже полноценное звание лейтенанта и продолжили карьеру в вооруженных силах²⁰. Старые кадровые офицеры воспринимали их как выскочек, ведь большинство из них не принадлежали к военному сообществу, которое было в Испании закрытой кастой: подготовка велась в узком круге военных академий, а служба часто была семейным делом нескольких поколений. Включение чуждых армии людей в структуру вооруженных сил объясняется двумя причинами. Во-первых, почти сразу после окончания гражданской войны началась Вторая мировая, участие Испании в которой нельзя было исключать. Во-вторых, эти кадры стали одной из важнейших опор власти Франко, так как именно он был гарантией того, что они смогут продолжать карьеру в войсках. В 1960-х гг. эти люди начали получать генеральские звания и занимать командные должности. Поэтому в их интересах было сохранение франкистского режима, который обеспечил их карьеру.

Другими гарантами сохранения режима должны были быть военные связанные с Фалангой. В 1962 г. Франко учредил должность вице-председателя правительства. Так как премьер-министром был сам глава государства, она считалась второй по важности. Человек, ее занимающий, должен был бы бесспорно возглавить страну на переходный период. При подборе канди-

¹⁹ Gárate Córdoba, 1976. P. 40–41.

²⁰ Busquets, 1984. P. 106–107.

дата Франко ориентировался на генералов, связанных с Фалангой, которых в испанской историографии, в связи с этим, называют «синими генералами» (синяя рубашка — один из символов Фаланги). В результате вице-председателем был назначен генерал Муньос Грандес — первый командующий испанской добровольческой дивизией на Восточном фронте, человек, награжденный немецким орденом «Железный крест с дубовыми листьями». Затем, когда здоровье генерала совсем ухудшилось, в 1967 г. этот пост занял Карреро Бланко. При этом Муньос Грандес до своей смерти в июле 1970 г. оставался начальником генерального штаба вооруженных сил и имел ранг капитан-генерала. То есть занимал две должности, гарантировавшие его участие и в Регентском совете, и в Совете королевства, которые должны были, в соответствии с законом о наследовании, осуществлять передачу власти после смерти Франко. Таким образом, к концу 1960-х гг. на ключевых постах, которые должны были обеспечивать преемственность режима, находились люди, заинтересованные в его сохранении и после ухода Франко. К этому времени неопределенность с наследником из способа укрепления власти главы государства превратилась в дестабилизирующий фактор.

Диктатор старел, у него развивалась болезнь Паркинсона, диагностированная впервые в 1964 г., поэтому вопрос о назначении преемника становился актуальным для элиты, желавшей ясности относительно своего будущего. Еще более острой эту проблему сделали события в соседней Португалии. Там летом 1968 г. с многолетним главой правительства Салазаром случился удар, который привел к его недееспособности. Сохранение режима было обеспечено разделением постов главы государства и председателя правительства. Президент выбрал нового премьер-министра и передал ему все полномочия предшественника²¹. В Испании же вся полнота власти принадлежала Франко, занимавшему обе должности. В случае его недееспособности или смерти ни у кого не было уверенности, что созданные в соответствии с законом о наследовании Регентский совет и Со-

²¹ Щелчков, Филатов, 2024. С. 340.

вет королевства смогут выбрать преемника, а не погрузятся в склоки. Поэтому в конце 1960-х гг. на Франко начали оказывать давление представители разных частей элиты, чтобы он поделился с наследником, что в итоге каудильо и сделал в 1969 г.

К концу 1960-х гг. уже трудно было себе представить, что наследник мог как-либо угрожать власти Франко. Ее обеспечивала выстроенная им за долгие годы система, в которой руководящие позиции занимали люди, связанные с франкизмом. Они могли несколько расходиться во взглядах на будущее, но все были заинтересованы в том, чтобы режим продолжался и после смерти Франко. Об уверенности каудильо в прочности созданной им конструкции свидетельствует фраза, произнесенная им в конце 1969 г. уже после того, как был назначен наследник. В предновогоднем обращении, отвечая на спекуляции о сохранности режима при новом главе государства, Франко сказал: «Все схвачено, и крепко схвачено»²².

Окончательно решение о кандидатуре было принято к лету 1969 г. Каудильо официально объявил в качестве своего преемника Хуана Карлоса, сына Дона Хуана. В 1968 г. ему как раз исполнилось 30 лет — возраст, с которого, в соответствии с законом о наследовании, можно было занимать пост главы государства. В своих воспоминаниях Лопес Родо пишет о себе как главном защитнике его кандидатуры²³. Впрочем, он в принципе любил приписывать себе многие удачные действия режима, к тому же мемуары были написаны и изданы, когда Хуан Карлос уже был королем. Тем не менее, действительно, технократы были главными сторонниками выбора Хуана Карлоса в качестве наследника, видя в нем возможность сохранить свое положение после смерти Франко. Выбор в его пользу создавал серьезные проблемы для монархистов-альфонсистов, подрывая легитимистский принцип. Их наследником был отец Хуана Карлоса — Дон Хуан, который не отказывался от своих прав на престол. Его стремление восстановить парламентскую монархию по типу той, что была до 1931 г., было известно с момента

²² “Todo ha quedado atado, y bien atado”: Franco, 1971. P. 95.

²³ López Rodó, 1991. P. 379.

публикации Лозаннского манифеста в 1945 г. Франко и представители сформировавшейся при нем элиты не были заинтересованы в восстановлении монархии, которая бы черпала свою легитимность из дофранкистского прошлого, а значит, меньше бы от них зависела. В их интересах было установление монархии, легитимность которой опиралась бы на режим Франко.

Кандидатура Хуана Карлоса была утверждена Советом королевства и кортесами, как того требовал закон о наследовании. Правда, в кортесах возникли проблемы. Хотя будущий король получил подавляющую поддержку (519 человек), против было 19 и еще 9 воздержалось. Часть голосов «против» были ожидаемы: неодобрение выразили представители синдикатов (например, Хосе Алкаина Кабаллеро и Хосе Баньялес), монархисты — сторонники Дона Хуана (владелец газеты *ABC* Торкуато Лука де Тена и генерал Гарсиа-Валиньо), карлисты (Альфонсо Мария Абеля Гарсиа де Эулате, Антонио Аргуэ Сараус). Однако большинство голосов против было подано от делегатов, избранных по семейной квоте, а не назначенных²⁴. То есть это была единственная часть кортесов, которая могла претендовать хоть на какой-то представительский статус. Такое протестное голосование интерпретируют не как выступление против системы в целом, а как недовольство тем, что режим нарушил собственные правила: утверждение наследника прошло в единственном чтении без обсуждений и без возможности вносить правки²⁵. Хотя члены кортесов выступили явно против желания главы государства, для них этот шаг прошел без последствий. Такую мягкость уместно интерпретировать как демонстрацию Хуану Карлосу, что он, хотя и стал наследником Франко, не пользуется полной поддержкой, а его будущее правление может быть обеспечено лишь при сохранении основ политической системы.

Провозглашая Хуана Карлоса своим преемником, Франко добился от него демонстрации верности франкизму: перед го-

²⁴ 491 «si», 19 «no» y 9 abstenciones // *La Vanguardia Española*. 23 de julio, 1969.

²⁵ Sesma Landrin, 2023. P. 482.

лосованием в кортесах тот подтвердил свою приверженность идеалам режима и «Национального движения». Таким образом давалось понять, что после смерти каудильо в Испании не будет восстановлена старая монархия Бурбонов, а появится новая монархия «Движения». Это подчеркивалось и на символическом уровне. Хуану Карлосу был присвоен титул принца Испании²⁶, хотя раньше до революции 1931 г. наследники престола именовались принцами Астурийскими. Надо сказать, что и до 1969 г. при обращении к нему не использовали традиционный для отпрысков короля титул «инфант»²⁷. Нарушение устоявшихся монархических практик должно было подчеркивать, что будущий король наследует власть именно Франко.

Помимо того, что глава государства старался построить собственную франкистскую монархию, своими решениями он создавал большие проблемы для альфонсистов. Теперь им приходилось выбирать между легитимным с точки зрения династии отцом Доном Хуаном, который обладал весьма туманными перспективами занять престол, и Хуаном Карлосом — нелегитимным, но законным наследником Франсиско Франко. Действия каудильо обострили отношения даже в самом королевском доме. По воспоминаниям Хуана Карлоса, его назначение преемником привело к тяжелому конфликту с отцом. По словам будущего короля, Франко специально подстроил все так, чтобы усилить разлад. Летом 1969 г. еще до того, как было официально объявлено о выборе преемника, Хуан Карлос отправился в Португалию навестить своего отца. К этому времени уже вовсю ходили слухи, что его скоро объявят наследником. Накануне отъезда принц посетил каудильо, однако глава государства ничего не сказал ему о планирующихся шагах. В Португалии Дон Хуан спрашивал своего сына о намерениях каудильо, но Хуан Карлос заверил его, что ему ничего не известно. По возвращении в Мадрид Франко вызвал принца в свою резиденцию и сообщил, что через несколько дней планирует объявить его своим

²⁶ Ley 62/1969, por la que se provee lo concerniente a la sucesión en la Jefatura del Estado // BOE. 23 de julio, 1969.

²⁷ Fraga Iribarne, 1980. P. 96.

наследником в качестве короля. Он должен был принять решение немедленно, в кабинете главы государства. Времени, чтобы посоветоваться с отцом, ему предоставлено не было. Хуан Карлос ответил согласием. Вечером того же дня между отцом и сыном состоялся тяжелый разговор. Дон Хуан был уверен, что Хуан Карлос, посещая Португалию, уже знал о решении каудильо и солгал ему. После этого отношения между ними некоторое время были прохладными. Хуан Карлос объяснял, что принял предложение Франко, не известив отца – претендента на королевский титул, потому что главной целью было восстановить монархию в Испании. А его несогласие или выдвижение каких-то условий могло привести к тому, что Франко просто вычеркнет его самого и всю его ветвь династии из своих планов²⁸. Эти опасения не были безосновательными, так как существовали и другие кандидаты на испанский престол, которые пользовались поддержкой части испанской элиты.

Уже в конце 1940-х гг., когда Хуан Карлос прибыл на учебу в Испанию, его ветвь династии стали воспринимать как имеющую наибольшие шансы на корону. Это чрезвычайно усилило позиции альфонсистов вообще и их главы Дона Хуана в частности. Чтобы их ослабить, Франко постарался создать раскол в их лагере. Для этого глава государства начал оказывать внимание еще одному члену королевского дома — Альфонс де Бурбону-Дампьеру, двоюродному брату Хуана Карлоса. С точки зрения сторонников Дона Хуана, его права на престол были сомнительными. Хотя отец Альфонс Дон Хайме (р. 1908) был старше Дона Хуана (р. 1913), в 1933 г. он отказался от прав на испанский престол для себя и своих потомков — причина была в его глухоте, которая стала следствием неудачной хирургической операции, проведенной в детстве²⁹. Но главное, в 1935 г. Дон Хайме женился на представительнице аристократического, но не королевского рода Эммануэль де Дампьер. Она и стала матерью двух его сыновей. Несмотря на то, что Дон Хайме отрекся от престола и вступил в морганатический брак, в 1949 г.

²⁸ Вилальонга, 2003. С. 90–91.

²⁹ Lario, 2019. P. 16.

он заявил свои права на испанскую корону — якобы он излечился от недуга, из-за которого и отказался от претензий на трон³⁰. Хиль Роблес — видный монархист, один из руководителей СЭДА, сторонник Дона Хуана — видел в этом неожиданном решении руку Франко. Якобы каудильо оплатил долги Дона Хайме³¹, чтобы тот оспорил права Дона Хуана на престол, добавив раскол в стан альфонсистов. Однако установить точно, какова была роль Франко в этом решении Дона Хайме, не представляется возможным. Как бы то ни было, предложения назначить преемником одного из детей Дона Хайме поступали Франко сразу после принятия закона о наследовании. Так, в октябре 1947 г. в секретариат каудильо была направлена записка, автор которой предлагал избрать преемником более лояльного режима, чем Дон Хуан, представителя династии Бурбонов. Составителю письма таковым виделся Альфонс де Бурбон-Дампьер³². Ответа на это предложение не последовало, но с 1954 г. дети Дона Хайме тоже получили право учиться в Испании. Так они стали своеобразным запасным вариантом для Франко, который предпочитал подольше сохранять неопределенность в вопросе наследника, хотя уже с начала 1960-х гг. явным фаворитом был Хуан Карлос. Дочь Франко уверяет, что ее отец не хотел создавать конкуренцию между претендентами, а стремился иметь запасной вариант, если Хуан Карлос откажется стать королем³³. Согласно воспоминаниям кузена Франко, в феврале 1963 г. глава государства упоминал, что если не получится с Хуаном Карлосом, то существуют другие принцы, в частности Дон Альфонс де Бурбон-Дампьер³⁴.

Вокруг фигуры наследника велась борьба между разными группами франкистской элиты. Все они преследовали цель обеспечить свое положение в постфранкистской Испании. Тех-

³⁰ Preston, 2012. P. 16.

³¹ Gil Robles, 1976. P. 316.

³² Consideraciones de Marqués de Villamagna sobre la ley de sucesión. 10.1947 // AFNFF. 15950.

³³ Palacios, Payne, 2008. P. 101.

³⁴ Franco Salgado-Araujo, 1976. P. 369.

нократы и реформисты сделали ставку на кандидатуру сына Дона Хуана — Хуана Карлоса. Их противники, в первую очередь представители наиболее консервативных партийных кругов, связывали надежды на свое будущее с сыном Дона Хайме Альфонс. Именно в нем министр-секретарь «Движения» Хосе Солис увидел идеального для партии короля. Газета Pueblo, официальный орган синдикатов, во главе которых Солис оставался до 1969 г., стала называть его «синим принцем», подчеркивая таким образом его приверженность идеалам партии³⁵. Франко не мешал Фаланге раскручивать своего кандидата. С 1960 г. глава государства стал периодически принимать Альфонса, интересоваться его учебой³⁶. Каудильо также поощрял укрепление его позиций в королевском доме. К примеру, в ходе мероприятий по поводу годовщины смерти Альфонс XIII Бурбон-Дампьер стоял рядом со своим кузеном Хуаном Карлосом³⁷, что могло создать ощущение равенства их позиций в иерархии монархистов. Сам Альфонс впоследствии утверждал, что не думал о том, чтобы занять престол. Однако в 1963 г. секретарь испанского посольства в Париже в одном из своих донесений обратил внимание на перемену в настроении Альфонса после того, как его стал приглашать к себе каудильо. В разговоре с дипломатом он спрашивал о критериях, которым должен соответствовать наследник Франко, а также обронил, что не может считать ничтожными права своего отца и его потомков на престол³⁸. Иными словами, Альфонс явно интересовался своими возможностями стать королем.

Несмотря на все старания, «Движению» не удалось продвинуть своего кандидата в преемники Франко. В 1969 г. преемником был назначен Хуан Карлос. Казалось, после этого перспективы Альфонса растаяли. Однако небольшой шанс все еще оставался, так как, в соответствии с законом о наследовании, глава государства имел право изменить свое решение. Слабую

³⁵ Sesma Landrin, 2023. P. 478.

³⁶ Palacios, Payne, 2008. P. 92.

³⁷ Fraga Iribarne, 1980. P. 103.

³⁸ Palacios, Payne, 2008. P. 585.

надежду на это давало то, что Альфонс остался в системе франкистского режима, хотя его и отправили подальше от Мадрида. В 1969 г. его назначили послом Испании в Швеции, где он работал до 1973 г. Другого потенциального кандидата на испанский престол, карлиста Хавьера Бурбон-Пармского, просто выслали из страны в 1968 г. вместе со всей семьей за несколько месяцев до официального назначения Хуана Карлоса преемником³⁹.

Шансы Альфонса на престол резко повысились в последние два года существования франкистского режима. Этому способствовали взаимосвязанные факторы. Здоровье Франко стремительно ухудшалось из-за прогрессирующей болезни Паркинсона. Он оставил должность главы правительства, передав ее верному Карреро Бланко. Гибель помощника в конце 1973 г. лишила каудильо надежных соратников. На его действия все больше влияли люди из близкого окружения, которых обычно объединяют под наименованием «клан Пардо» (название дворца, в котором находилась резиденция Франко). Ключевую роль в этой группе играли родственники: супруга Кармен Поло Франко и зять маркиз Вильяверде (муж единственной дочери — Марии дель Кармен Франко и Поло). Распространено мнение, что именно под влиянием семьи каудильо отказался назначить председателем совета министров вместо убитого Карреро Бланко своего близкого друга адмирала Педро Ньето Антунеса. Считается, что Кармен Поло убедила своего мужа отдать пост главы правительства министру внутренних дел Ариасу Наварро, с супругой которого она дружила⁴⁰.

Приближающаяся смерть главы семьи чрезвычайно беспокоила его родственников. Если положение всех остальных представителей франкистской элиты — армии, министров-технократов, партийцев — было хоть как-то гарантировано участием в институтах переходного периода (кортесах, Королевском совете, Регентском совете), то семья не имела никаких гарантий своего будущего. За время правления Франко его род-

³⁹ Fernández de Sevilla, 2016. P. 144.

⁴⁰ Payne, Palacios, 2014. P. 469.

ственники смогли сколотить внушительное состояние. О точных его размерах идут споры. Диапазон огромен: одни авторы пишут, что к 1975 г. семье принадлежало имущества и ценных бумаг на сумму в 20 000 млн песет (1,6 млрд евро в ценах 2025 г.), другие считают, что оно доходило до 100 000 млн песет (8 млрд евро). Разница в цифрах связана с тем, как оценивать бумаги многочисленных предприятий и кого причислять к родственникам диктатора. Относительно точно по нотариальным регистрам удалось подсчитать стоимость недвижимости, которая оказалась в руках его вдовы: на конец 1980-х гг. она составляла минимум 1 658 млн песет (133 млн евро)⁴¹. То есть представителям близкого круга Франко было что терять, помимо своего непосредственного положения главной семьи режима.

Поскольку полагаться исключительно на милость будущего короля было не самым надежным вариантом, клан Пардо, пользуясь слабостью Франко, начал активно вмешиваться в политическую борьбу за будущее страны. В этом его поддерживали наиболее консервативные силы режима, которых стали называть «бункер». Возможность усилить влияние на постфранкистскую Испанию или даже взять под контроль ее будущее представлялась в связи со свадьбой внучки Франко: Кармен Мартинес-Бордю в 1972 г. вышла замуж за Альфонс де Бурбон-Дампьера. Этот брак породил слухи, что наследником может стать супруг внучки диктатора⁴². Сплетни подогревало то, что Альфонсу решили дать подобающий титул. Первоначально был предложен принц Бурбон (*príncipe de Borbón*). Титул принца, по сути, уравнивал Альфонса и Хуана Карлоса, который к этому времени был принцем Испании. Поэтому против того, чтобы Альфонс стал принцем, выступил и наследник, и его сторонники. В итоге Альфонсу дали титул герцога Кадисского, но к нему начали обращаться «ваше высочество» и оказывать соответствующие почести⁴³. Сплетни о том, что Альфонс стремится получить престол, циркулировали до самого конца режима, но

⁴¹ Sánchez Soler M, 2020. P. 150–151.

⁴² Sánchez Recio, 2015. P. 340.

⁴³ Palacios, Payne, 2008. P. 119.

далее разговоров и пересудов дело не шло. При этом некоторые историки утверждают, что супруга Франко хотела, чтобы ее внучка стала королевой Испании⁴⁴. Дочь главы государства опровергала все утверждения, что семья как-то интриговала для того, чтобы Франко сделал своим наследником Альфонса⁴⁵.

Каудильо не был склонен менять уже принятые решения, по крайней мере, пока был в дееспособном состоянии. Когда болезнь стала брать свое, обеспечивать исполнение его распоряжений стали выстроенные им институты, но они не могли менять что-либо без прямого согласия каудильо. Теоретически это могло произойти при сплочении всей франкистской элиты. Однако, хотя в ее среде была могущественная группа («бункер»), которая опасалась перспективы прихода Хуана Карлоса к власти, большинство смирилось с этим фактом. Была уверенность в том, что наследник не начнет резко пересматривать устои режима — ведь власть будет передаваться в рамках франкистских институтов, ключевые позиции в которых занимали консервативные политики. Расхожая фраза последних лет диктатуры, которая приписывается интеллектуалу Хесусу Фуэйо Альварес, в полной мере отображает надежды франкистской элиты на сохранение своего положения: «После Франко — институты»⁴⁶.

В соответствии с законом о наследовании ключевую роль при переходе власти играл глава кортесов. Он по должности был и председателем Совета королевства. После смерти диктатора он автоматически становился председателем Регентского совета и временным главой государства, пока к присяге не будет приведен преемник⁴⁷. В 1969 г., когда позиции партии в институтах режима были, казалось, сильно подорваны в результате перестановок в правительстве, где большинство портфелей получили технократы, во главе кортесов был поставлен Алендра Родригес де Валькарсель. Это был не просто фалангист, а старорубашечник, который вступил в студенческую партий-

⁴⁴ Sesma Landrin, 2023. P. 478.

⁴⁵ Palacios, Payne, 2008. P. 120.

⁴⁶ Sesma Landrin, 2011. P. 59.

⁴⁷ Ley de Sucesión en la Jefatura del Estado // BOE. 27 de julio, 1947.

ную организацию еще во времена Второй республики. В годы гражданской войны он служил в армии националистов, где получил звание временного лейтенанта. После войны занимал различные должности в партийно-бюрократической системе: был руководителем партии в провинции Сантандер, гражданским губернатором на Балеарских островах, с 1950-х гг. стал занимать должности в руководящих партийных органах. Его считали ультраконсерватором⁴⁸, что было отчасти справедливо. Он был одним из тех, кто считал, что Хуан Карлос должен перенять в качестве главы государства лишь церемониальные функции, а реальная власть в стране должна перейти к коллективной франкистской элите⁴⁹. То, что человек с такими характеристиками занимал ключевой пост в процессе передачи власти, должно было гарантировать, что новый глава государства не будет предпринимать резких шагов по уничтожению режима.

Своеобразная проба того, как будут передаваться властные полномочия, состоялась летом 1974 г. Тогда Франко тяжело заболел, потребовалась госпитализация. Многие посчитали, что это начало конца. Перед тем как отправиться в больницу, глава государства лично распорядился, чтобы Валькарсель и Ариас Наварро подготовили документы о временной передаче функций главы государства Хуану Карлосу⁵⁰. В результате в августе принц председательствовал на заседаниях правительства, но фактически не имел никаких полномочий, так как, согласно «Органическому закону», в период временной недееспособности главы государства его преемник замещает его, но правительство подотчетно кортесам⁵¹. Однако уже к сентябрю Франко поправился. Попытки некоторых приближенных уговорить его оставить тяжелый пост и уйти на покой не увенчались успехом⁵². Другие параллельно старались убедить Франко, что Хуан

⁴⁸ Stanley, 1987. P. 614.

⁴⁹ Preston, 2012. P. 346.

⁵⁰ Вилальонга, 2003. С. 228.

⁵¹ Ley Orgánica del Estado, número 1/1967 // BOE. 11 de enero, 1967.

⁵² Payne, Palacios, 2014. P. 478.

Карлос абсолютно не подходит на роль преемника. Министр-секретарь «Движения» Хосе Утрера Молина в беседе с каудильо 28 августа уверял его, что в его отсутствие наследник готовил демонтаж режима. Он якобы налаживал контакты с оппозицией, сговаривался со своим отцом Доном Хуаном, планировал легализовать партии. Первым же реальным шагом к осуществлению этих идей должно было стать объявление Франко недееспособным⁵³. В результате в сентябре Франко вернул себе должность главы государства, причем Хуан Карлос узнал об этом постфактум. Таким образом ему показали, кто все еще является хозяином положения. Но, несмотря на наговоры приближенных, каудильо не изменил своего решения относительно преемника. И тогда главной задачей противников принца стало максимально продлить жизнь Франко, несмотря ни на что.

1 октября 1975 г. 83-летний Франко в последний раз появился на публике, что произошло по случаю празднования 39-й годовщины получения должности главы государства. 15 октября он пережил инфаркт, после которого его состояние резко ухудшилось. 20 октября у него случился новый сердечный приступ, после чего часть франкистской элиты попыталась повторить схему прошлого года, когда Хуану Карлосу дали временные и очень ограниченные полномочия главы государства. Поначалу он отказывался, не желая брать на себя ответственность за решения, на которые не может повлиять. Однако 30 октября согласился, когда медики заверили его, что Франко уже точно не поправится. Но пока каудильо оставался жив, Хуан Карлос все равно мог действовать лишь в рамках предписаний «Органического закона», которые сильно ограничивали его самостоятельность. По сути, власть в стране оказалась в руках главы правительства — Ариаса Наварро. Стабильность его позиций обеспечивалась тем, что во главе кортесов и Совета королевства находился Валькарсель. Такой расклад мог бы серьезно урезать возможности Хуана Карлоса даже после неминуемой смерти Франко. Однако полномочия Валькарселя истекали 26 ноября. Если бы Франко дотянул до этого момента, то его мандат про-

⁵³ Preston, 2012. Pp. 332–333.

длился бы автоматически. Это означало бы, что и семья, и «бункер» имели бы при Хуане Карлосе своего человека на ключевой должности, который бы не позволил королю назначить верного ему премьер-министра. А если бы Франко умер раньше 26 ноября, то король мог бы поставить во главе кортесов своего кандидата. Эта ситуация породила слухи о том, что жизнь главы государства поддерживалась искусственно.

Дочь Франко настаивает на том, что пересуды о продлении жизни каудильо — а точнее, его агонии — не более чем домыслы. По ее словам, таково было желание врачей — бороться до конца⁵⁴. Однако все доктора, которые оставили воспоминания, утверждали, что особенно усердно сохранить жизнь тестю требовал ее муж маркиз Вильяверде⁵⁵ — сам бывший врач. За первую половину ноября каудильо пережил три операции. 18 ноября его здоровье снова ухудшилось. Врачи отказались его оперировать. После этого по настоянию маркиза Вильяверде жизнь Франко поддерживалась искусственно с помощью аппаратуры и медикаментов. Дочь каудильо вспоминала, что в какой-то момент к нему вернулось сознание и он произнес: «Мой Бог! Чего стоит смерть! Я не знал, что умирать так тяжело!» Это были последние слова диктатора⁵⁶. Так система, созданная Франко для удержания власти, удерживала его жизнь, продлевая его страдания.

Таким образом формирование институтов преемственности во франкистской Испании было не заранее выстроенным планом модернизации режима, а постепенной реакцией на меняющиеся политические условия. Диктатура стремилась одновременно обеспечить долговечность системы и не допустить появления альтернативного центра власти. Поэтому правовые механизмы наследования создавались так, чтобы укреплять персональную власть Франсиско Франко, а не ограничивать её. Закон 1947 года, последующие реформы и длительное откладывание

⁵⁴ Palacios, Payne, 2008. P. 129–130.

⁵⁵ Hidalgo Huerta, 1976. P. 59–69; Pozuelo Escudero, 1980. Pp. 238–241; Herrero, 1995. P. 274–278.

⁵⁶ Palacios, Payne, 2008. P. 130.

назначения преемника позволяли контролировать элиты, балансировать между фракциями и снижать риск военного заговора. Лишь когда позиции потенциальной оппозиции ослабли, стало возможным окончательно определить наследника. Назначение Хуан Карлос I стало результатом этой длительной политической эволюции: оно обеспечивало формальную непрерывность государства и одновременно открывало пространство для будущей трансформации режима. Тем самым институт преемственности оказался не только инструментом сохранения диктатуры, но и механизмом, позволившим осуществить управляемый переход после смерти каудильо.

Библиография/Referencies:

- Вилальонга Х. Л.* Король. Беседы с королем Испании доном Хуаном Карлосом I. М.: Диопринт, 2003. [Vilallonga H. L. King. Conversations with the King of Spain Don Juan Carlos I. Moscow: Dioprint, 2003]
- Престон П.* Франко: биография. М.: Центрполиграф, 1999. [Preston P. Franco: Biography. Moscow: Tsentrpoligraf, 1999]
- Филатов Г.А.* Церковь и партия в годы первого франкизма (1939-1957) // Латиноамериканский исторический альманах. 2022. № 35. С. 255-275. [Filatov G. A. Church and the Party during the First Francoism (1939–1957) Latin American Historical Almanac. 2022. No. 35. Pp. 255–275]
- Щелчков А. А., Филатов Г. А.* Португалия Салазара: История самой длительной диктатуры в Европе. М.: Кучково поле, 2024. [Shchelchkov A. A., Filatov G. A. Salazar's Portugal: The History of Europe's Longest-Lasting Dictatorship. Moscow: Kuchkovo pole, 2024]
- Box Z.* Símbolos eternos de España. El proceso de institucionalización de la bandera y el himno en el franquismo // Imaginarios y representaciones de España durante el franquismo / Michonneau S., Núñez Seixas X. M. (ed. lit.). Madrid: Casa de Velázquez, 2014. P. 7–23.
- Busquets J.* El militar de carrera en España. Barcelona: Ariel, 1984.

- Fernández de Sevilla M.* La expulsión de España de los Borbón Parma por el régimen de Franco en 1968 // Història i poètiques de la memòria la violència política en la representació del franquisme / Sansano i Belso G., Marcillas Piquer I., Ruiz Núñez J. B. (coords.). Alicante: Universidad de Alicante, 2016. P. 131–150.
- Fraga Iribarne M.* Memoria breve de una vida pública. Barcelona: Planeta, 1980.
- Franco F.* Discursos y mensajes del Jefe del Estado: 1968–1970. Madrid: 1971. Dirección General de Información, Publicaciones Españolas: 1971.
- Franco Salgado-Araujo F.* Mis conversaciones privadas con Franco. Barcelona: Planeta, 1976.
- Gárate Córdoba J. M.* Alféreces provisionales. La improvisación de oficiales en la guerra del 36. Madrid: San Martín, 1976.
- Gil Robles J. M.* La monarquía por la que yo luché: páginas de un diario, 1941–1954. Madrid: Taurus, 1976.
- Herrero L.* El ocaso del regimen. Madrid: Temas de Hoy. 1995.
- Hidalgo Huerta M.* Cómo y por qué operé a Franco. Garsi, 1976.
- Lario Á.* La salida monárquica del franquismo. De una monarquía sin rey a la monarquía democrática // Anales: Anuario del centro de la UNED de Calatayud. 2019. № 25. P. 11–27.
- López Rodó L.* Memorias. Años decisivos. Barcelona: Plaza & Janes, 1991.
- Messenger D. A.* ‘Against the Grain’: Special Operations Executive in Spain, 1941–45 // Intelligence and National Security. 2005. Vol. 20. Iss. 1. Pp. 173–190.
- Palacios J., Payne S. P.* Franco, mi padre: testimonio de Carmen Franco, la hija del caudillo. Madrid: La Esfera de los Libro, 2008.
- Payne S.G., Palacios J.* Franco: a personal and political biography. Madison: The University of Winconsin Press, 2014.
- Pozuelo Escudero V.* Los ultimos dias de Franco. Barcelona: Planeta, 1980.
- Preston P.* Juan Carlos: el rey de un pueblo. Barcelona: Debate, 2012.

- Sainz Rodríguez P.* Un reinado en la sombra. Barcelona: Planeta, 1981.
- Sánchez Recio G.* El Tardofranquismo (1969–1975): el crepúsculo del dictador y el declive de la dictadura // *Hispania Nova: Revista de historia contemporánea*. 2015. №. Extra 1. Pp. 329–348.
- Sánchez Soler M.* La familia Franco S.A.: negocios y privilegios de la saga del último dictador de Occidente. Barcelona: Rocabolsillo, 2020.
- Saz I.* Mucho más que crisis políticas: el agotamiento de dos proyectos enfrentados // *Ayer*. 2007. № 68. Pp. 137–163.
- Sesma Landrin N.* El guardián de la ortodoxia. Jesús Fueyo, un intelectual franquista frente a la Constitución // *Ayer*. 2011. № 81. P. 57–82.
- Sesma Landrin N.* Ni una, ni grande, ni libre: la dictadura franquista (1939–1977). Barcelona: Crítica, 2023.
- Stanley G. P.* The Franco Regime, 1936–1975. Madison: The University of Wisconsin Press, 1987.
- Thomàs i Andreu J.M.* La configuración del franquismo. El partido y las instituciones // *Ayer*. 1999. № 33. Pp. 41–63.
- Zaratiegui Labiano J. M., García Velasco A.* José Luis Arrese, ¿falangista o tradicionalista? // *Studia historica. Historia contemporánea*. 2017. № 35. P. 497–519.